

А.В.БЕЛОВ

Факторы экономической динамики дальневосточных регионов России

Анализируется состояние государственных, административных и экономических институтов в дальневосточных субъектах Российской Федерации, на основе статистических методов определяется влияние институциональных факторов на экономическое развитие и приграничное сотрудничество Дальневосточного федерального округа.

Factors of the economic dynamics of the Russian Far East. A.V.BELOV (Fukui Prefectural University, Japan).

The current state of governmental, administrative and economic institutions in the Russian Far Eastern units is analyzed. An influence of institutional factors on economic dynamics and cross-border cooperation in the Far Eastern Federal District is estimated by means of statistical methods.

Состояние институтов и развитие экономики

Трансформационный кризис в Дальневосточном федеральном округе оказался слишком глубоким и продолжительным для региона, имевшего столь значительный ресурсный, экспортный и транспортно-географический потенциал. Одна из причин – в 1990-х годах здесь сложилась неблагоприятная по сравнению с другими территориями России институциональная среда.

В настоящее время пока не разработано надежных методов количественных оценок текущего состояния институтов (институциональной среды). Действительно, определению института как «совокупности формальных... и неформальных... рамок, структурирующих взаимодействия индивидов в экономической, политической и социальной сферах» [7, с.129], трудно подобрать адекватные количественные характеристики.

Один из самых интересных подходов к оценке институтов в российских регионах представлен в работах В.В.Попова [9–11]. По данным за 1990–1996 гг., с помощью уравнений множественной регрессии удалось определить, как связаны с ростом или спадом экономики стартовые условия развития, экономическая политика администраций и качество региональных институтов. Расчеты показали, что скорость экономических реформ (либерализация, приватизация и т. д.) практически не отразилась на изменениях ВРП и производства. В то же время воздействие началь-

БЕЛОВ Андрей Васильевич – кандидат экономических наук (Университет префектуры Фукуи, Япония).

ного уровня экономического развития (обеспеченность ресурсами, структурные диспропорции в промышленности, а также институциональный потенциал региональных администраций, оцениваемый по доле занятых на малых предприятиях, количество преступлений, доля теневой экономики в доходах и производстве, занятость и инвестиционная привлекательность региона) было намного более сильным. Иными словами, тезис «сильные институты важнее скорости реформ» получил статистическое подтверждение. По-видимому, подход Попова можно несколько модифицировать и применить для анализа современной экономической динамики.

Мы составили уравнения множественной регрессии, в которых результирующей переменной являлась динамика ВРП в 1996–1999 гг., а в качестве факторных переменных использовались: 1) стартовые условия экономического развития (душевой ВРП на начало периода, индекс ресурсного потенциала регионов и доля ресурсных отраслей в промышленном производстве); 2) состояние институциональной среды (доля занятых на малых и средних предприятиях, доля теневых секторов в промышленности, индекс инвестиционного риска, а также коэффициенты общей и младенческой смертности); 3) динамика инвестиций; 4) экспортная квота в промышленности; 5) качественные переменные для столичного города и крупнейшего нефтедобывающего региона.

Первоначальный отбор показателей осуществлялся экспертным путем. Мы опробовали примерно 30 переменных, но только 12 из них улучшали характеристики регрессии и были использованы в итоговых расчетах. Количество наблюдений равнялось 79, данные по автономным округам (кроме Чукотского) были включены в показатели более крупных субъектов. Максимальное значение в матрице коэффициентов парной корреляции составляло 0,63 (качественная переменная для нефтедобывающего региона и душевой ВРП), т. е. имелась некоторая мультиколлинеарность факторных переменных, хотя предельный уровень в 0,8 не превышался. По-видимому, удалось выполнить основные формальные статистические требования к построению регрессионной модели.

Опустим подробности статистических расчетов и перечислим основные выводы, сделанные на основе регрессии.

Во-первых, подтвердилась гипотеза о взаимосвязи динамики ВРП с начальными условиями развития, состоянием институциональной среды, темпами инвестиций и экспортной квотой промышленности. Более 60 % вариаций в темпах роста ВРП в 1999 г. объяснялось колебаниями этих факторов ($R^2 = 0,616$; F-статистика = 8,828; t-статистика = 15,531; все величины говорят о статистической значимости модели).

Во-вторых, в 1996–1999 гг. по сравнению с начальным периодом рыночных реформ изменилась роль стартовых условий экономического развития. Обеспеченность природными ресурсами и доля сырьевых отраслей в промышленности по-прежнему оказывали на динамику ВРП значимое положительное воздействие. А вот влияние уровня ВРП на душу населения стало не прямым, а обратным. Коэффициент при душевом ВРП был велик по абсолютной величине и надежен с вероятностью 99 %, но имел отрицательный знак. Следовательно, темпы роста чаще превышали средние показатели в регионах с относительно низким ВРП. Подобная «бедность» стимулировала экономику. Поскольку номинальные показатели регионального продукта во многом определялись уровнем цен, ограничение их роста на все компоненты ВРП являлось важным условием ускоренного развития.

В-третьих, главными каналами воздействия институциональной среды на динамику ВРП являлись, как и следовало ожидать, инвестиционный и предприниматель-

ский климат. Привлечение инвестиций, снижение инвестиционного риска и расширение занятости на малых предприятиях оказывало предсказуемое и, как правило, статистически значимое влияние на изменения ВРП. Коэффициент доли теневого сектора в промышленности (в 1996–1999 гг.) поменял отрицательный знак на положительный в 1999 г. Видимо, после кризиса 1998 г. развитие формальной и неформальной экономической деятельности приобрело параллельный и однонаправленный характер, причем эта деятельность сконцентрировалась в одних и тех же регионах, привлекательных для обеих форм бизнеса. Получается, что масштабы теневой экономики стали показателем не слабости, а силы институтов, т. е. качества предпринимательской среды. И все же доля теневого сектора в промышленности статистически не значима, а поэтому выводы о ее роли и динамике недостаточно надежны.

Наряду с формированием инвестиционного и предпринимательского климата мы выделяли удовлетворение основных общественных потребностей личности как важнейшую задачу институционального развития.

Первый показатель – коэффициент детской смертности – оказался обратно пропорционально связан с динамикой ВРП. Направление связи по имеющимся статистическим данным определить весьма сложно, но похоже, что детская смертность менялась медленнее индекса ВРП и с большей вероятностью могла выступать причиной флуктуаций этого индекса. Поэтому улучшение медицинского обслуживания, водоснабжения, состояния жилья, общественной гигиены, уровня культуры населения и т. д. позволяло не только сохранить жизнь новорожденных в течение первого года жизни, но и создавало базу для экономического роста на перспективу.

Второй показатель – общая смертность – превышал средние значения при аналогичном поведении индекса ВРП. Иными словами, смертность росла с ускорением развития. Это весьма неожиданный и, на первый взгляд, трудно объяснимый вывод. Почему же возможно увеличение числа умерших при улучшении экономической динамики (или наоборот)? Связано ли это с возрастной структурой населения быстрорастущих регионов, повышенной смертностью среди направляющихся в них мигрантов, увеличением числа производственных травм, ДТП, врачебных ошибок или преступлений со смертельным исходом? – у нас нет ответа на эти вопросы. И все же складывается впечатление, что гражданам России пришлось заплатить резким ухудшением социальной базы не только за годы кризиса, но, по меньшей мере, за первую фазу подъема. Развитие было чрезвычайно неравномерным и не сопровождалось восстановлением институтов власти. Соответственно, не расширялось предложение необходимых общественных услуг, связанных, например, с контролем над условиями труда, миграцией, безопасностью движения, качеством медицинского обслуживания и криминальной обстановкой. Это вполне могло привести к зафиксированным в нашей модели отрицательным последствиям.

Итак, состояние институциональной среды серьезно влияло на экономическое развитие российских регионов. Если в 1990–1996 гг. сильные институты были важнее скорости реформ, то в дальнейшем их вклад в вариацию темпов ВРП, по видимому, стал более весомым. Продолжение отмеченных тенденций в течение 2–3 лет после 1999 г. позволило бы заявить, что для экономической динамики сильные институты важнее наличия природных ресурсов. Тем более если считать задачами институционального развития не только создание благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата, но и удовлетворение основных потребностей личности, а также справедливое распределение выгод экономического

роста. Хотя, разумеется, такое заключение требует дополнительных исследований на материалах 2000–2002 гг.

А теперь обратимся к более конкретному анализу связи экономического развития и институциональной среды на Дальнем Востоке, где, как нам кажется, сложилось контрастное сочетание крупного ресурсно-географического потенциала и слабых государственно-административных институтов.

Трансформационный кризис в экономике Дальневосточного федерального округа

Дальневосточный федеральный округ занимает 36,4 % территории страны, здесь находится до 40 % подтвержденных запасов полезных ископаемых, свыше 30 % древесины и 85 % морских биоресурсов. В 1999 г. при доле населения 4,9 % удельный вес ДВФО в суммарном ВРП составлял 6,0 %, а в основных фондах – 6,3 % [12, с. 28, 29]. Отличительными чертами дальневосточной экономики за последние 10 лет стали сильный экономический спад, усиление дифференциации развития регионов, неблагоприятные структурные изменения, падение жизненного уровня, отток населения и переориентация региональных производств с внутреннего на внешний рынок. То, что имеющийся потенциал не удалось использовать на нужды развития, стало и причиной, и следствием тяжелого состояния региональной институциональной среды.

В 1990-е годы экономический спад был характерен для большинства российских регионов. На Дальнем Востоке он начался раньше, оказался глубже и отразился на состоянии региональной экономики сильнее, чем в других территориях страны. Удельный вес региона сократился в большинстве социально-экономических показателей страны. Индекс физического объема ВРП Дальнего Востока в 1995 г. составлял 55 %, а в Российской Федерации в целом – 62 % от уровня 1990 г. [17, с. 48]. В 1996–1999 гг. спад дальневосточного ВРП также оказался глубже среднероссийского. Промышленное производство региона в 1999 г. составило 42 % от уровня 1990 г. против 49 % в целом по России [8, с. 5].

В ходе рыночных реформ 1990-х годов существенно усилились региональные различия между дальневосточными субъектами Российской Федерации. По некоторым расчетам, в 1990 г. коэффициент вариации национального дохода на душу населения отдельных частей ДВФО составлял 0,148–0,151, но уже в 1992 г. достиг 0,433 [4, с. 73]. Тот же показатель для уровня номинального ВРП на душу населения в 1994–1999 гг. колебался в пределах 0,4–0,7. С 1994 по 1999 г. разница в 2,9 раза между максимальным и минимальным уровнем душевого ВРП (Еврейская АО и Республика Саха) увеличилась до 5,4 раза. Показатели ВРП с учетом прожиточного минимума, номинальных и реальных доходов населения также говорят об усилении внутрирегиональной дифференциации и даже о формировании на Дальнем Востоке как минимум двух крупных зон (северной и южной), различающихся по большинству экономических параметров.

В 1990–1999 гг. одним из самых заметных структурных сдвигов в экономике России стало увеличение доли ВРП, создаваемого в сфере производства услуг, с 32,6 до 44,1 %. На Дальнем Востоке соответствующие цифры составляли 31,2 и 48,7 % [13, с. 297], темп роста превышал среднероссийский. Анализ распределения работников по отраслям экономики показывает, что за 10 лет (с 1990 г.) общее число занятого населения на Дальнем Востоке сократилось почти на 900 тыс. чел. Следовательно, структурные изменения происходили не столько в результате роста, сколько вследствие неравномерного сокращения занятости в отдельных секторах.

В 1999 г. в ДВФО доля занятых в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве оказалась ниже средней по стране, зато в отраслях транспорта и связи, торговли и общественного питания, а также ЖКХ, здравоохранения, образования, культуры и искусства показатели превышали среднероссийский уровень. По-видимому, в 1990-е годы в дальневосточной экономике шел более интенсивный, чем в среднем по России, переток работников из отраслей, производящих товары, в отрасли, производящие услуги.

Крупные структурные сдвиги произошли в промышленности. Физический объем промышленного производства ДВФО в 1999 г. составил 42 % уровня 1990 г., но в то же время сравнительно неплохим было положение дел в цветной металлургии (82,7 %), электроэнергетике (76,3), топливной (59,9) и пищевой (точнее, рыбной) промышленности (49,1 %) [3, с. 72]. В легкой промышленности производство сократилось примерно в 20 раз, в черной металлургии и химической промышленности – в 15, а в машиностроении, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности – в 5 раз. Неудивительно, что в 1999 г. 74,2 % производства Дальневосточного региона давали 3 отрасли: топливно-энергетическая, цветная металлургия и пищевая (рыбная) промышленность. Эти изменения можно оценить только как неблагоприятные.

Анализ структурных сдвигов позволяет сделать выводы о кардинальных изменениях в системе воспроизводства и пропорциях использования ВРП, произошедших в 1990-х годах. С 1992 г. сальдо межрегионального обмена ДВФО стало практически нулевым, а в области внешней торговли экспорт превысил импорт. Это говорит об изоляции ДВФО от внутрироссийского рынка и переориентации региональных связей на внешнюю торговлю. Следовательно, действенный толчок развитию могут дать только внешние по отношению к региону факторы – приток выручки от внешней торговли, иностранных инвестиций, федеральных бюджетных фондов и т. п. [17, с. 52]. Во второй половине 1990-х годов эти факторы начали действовать: в некоторых частях ДВФО сформировалось устойчивое и весьма заметное превышение экспорта над импортом, начался рост зарубежных капиталовложений, увеличилась поддержка из федерального бюджета. Вместе с тем положительное влияние на экономику оказалось небольшим. По нашему мнению, причина связана с неразвитостью институциональной среды, что не позволило использовать появившиеся возможности для перелома тенденций регионального развития.

В Дальневосточном регионе более резко, чем в Центральной России, снизился жизненный уровень. Если судить по таким показателям, как реальные доходы, прожиточный минимум, доля населения, живущего за чертой бедности, состояние социальной инфраструктуры, безработица, детская смертность, преступность и т. д., то среда обитания значительно ухудшилась. Начался отток населения в европейскую часть страны, особенно интенсивный в 1992–1995 гг. В середине 1990-х годов появились новые направления миграционных потоков: сократилось движение населения в западные районы страны и одновременно возросло количество жителей, переезжающих с севера на юг Дальнего Востока. Тем не менее темпы падения общей численности населения даже несколько увеличились: с 1,1 % в 1996 г. до 1,3 % в 1999 г. [12, с. 46, 47].

Внешняя торговля, пожалуй, единственный сектор экономики российского Дальнего Востока, который стабильно развивался в течение всего периода экономических реформ. В 2000 г. общий объем экспорта ДВФО, по данным краевых и областных администраций, достиг 3826 млн долл. (рост в 2,4 раза по сравнению с 1992 г.), а импорта – 864,2 млн долл. (77,6 % 1992 г.), положительное сальдо соста-

вило 2961,8 млн долл. (рост в 8,4 раза от уровня 1992 г.). Доля экспорта в промышленном производстве и доля импорта в розничном товарообороте в 1995–1997 гг. изменялись в пределах 15–25 %, но в 1998–1999 гг. начались резкие колебания, вызванные обесценением рубля.

В 1990-е годы экспортный ресурсный сектор превратился в главный и, пожалуй, единственный локомотив развития региона. Дальний Восток фактически оказался интегрирован в систему экономических связей Северо-Восточной Азии, но интеграция приобрела форму односторонней зависимости региональной экономики от экспорта сырья с минимальной степенью обработки и импорта оборудования для его же добычи, а также ввоза топлива, продовольствия и потребительских товаров. Следовательно, использование ресурсного потенциала пока не создало основы для комплексного и самостоятельного развития региона.

Конкретные проявления слабости региональных институтов

Трансформационный кризис затронул все стороны общественной жизни Дальнего Востока. В каком же состоянии к концу 1990-х годов оказались региональные институты? Попробуем оценить теневой сектор, деловой и предпринимательский климат, а также степень удовлетворения основных социальных потребностей личности, используя общедоступные данные российской статистики (см. таблицу).

Характеристики состояния институтов в Дальневосточном федеральном округе, 1999 г.

Территория	1	2, %	3, %	4, %	5, %	6	7	8, лет	9	10
Республика Саха (Якутия)	0,640	8,9	15,7	8,5	30,7	1683	32,5	64,09	9,6	18,9
Приморский край	0,506	10,8	28,2	16,3	-7,0	2686	28,0	64,93	12,8	19,7
Хабаровский край	0,742	14,3	35,9	23,2	7,4	3117	34,2	63,94	13,1	19,4
Амурская область	0,584	9,0	38,9	11,3	7,2	2297	20,5	63,99	12,5	28,8
Камчатская область	0,820	12,4	15,9	19,0	18,3	2060	20,8	64,37	10,3	13,8
Магаданская область	0,865	15,5	15,7	19,8	29,1	2972	22,6	65,38	9,3	15,3
Сахалинская область	0,787	12,9	13,0	19,2	25,3	2669	35,4	64,20	12,2	13,2
Еврейская авт. область	0,438	12,4	44,8	5,2	15,3	3099	18,3	62,75	13,6	26,4
Чукотский авт. округ	0,955	1,3	19,2	42,6	48,6	1578	16,5	67,27	7,1	26,9
Статистические характеристики данных по Российской Федерации, 1999 г.										
Средняя арифметическая	0,476	13,4	23,6	14,6	13,4	2073	22,2	65,63	14,4	17,8
Медиана	0,461	11,5	22,4	13,0	14,3	2060	20,6	65,76	14,3	16,6
Минимальное значение	0,011	1,3	5,9	3,1	-34,9	386	11,7	56,00	4,8	10,1
Максимальное значение	0,989	90,9	59,6	42,6	48,6	3855	68,2	73,35	21,4	36,2
Первый квартиль **	0,225	8,9	16,5	9,0	7,2	1683	16,6	64,09	12,7	15,0
Третий квартиль **	0,730	14,8	28,5	19,5	21,0	2515	25,5	66,97	16,2	18,9

Источник: Рассчитано по данным Госкомстата РФ (<http://www.gks.ru/>); агентства «Эксперт РА» [14] и интернет-сайта «Practical Science» [5].

* Значения признака, отсекающие 25 % и 75 % наблюдений.

Столбцы статистических характеристик данных:

1 – индекс инвестиционного риска; 2 – доля занятых на малых предприятиях, скорректированная на долю городского населения; 3 – доля теневого сектора в промышленности, рассчитанная на основе сравнения индекса промышленного производства и динамики потребления электроэнергии, воды, грузооборота и выбросов промышленных отходов по методу А.С.Мартынова, В.В.Артохова, В.Г.Виноградова; 4 – отношение зарегистрированной и общей безработицы; 5 – превышение доходов населения над расходами; 6 – число преступлений на 100 тыс. чел.; 7 – число убийств на 100 тыс. чел.; 8 – ожидаемая продолжительность жизни; 9 – коэффициент смертности населения; 10 – коэффициент детской смертности.

Теневую экономику, как правило, оценивают путем сопоставления некоторых показателей, таких как расходы и доходы населения, полная и зарегистрированная безработица, возможный и реальный объем производства и т. п. [6, с. 9–130]. Индикаторы деятельности теневого сектора на Дальнем Востоке отражают несколько взаимосвязанных тенденций.

Во-первых, отношение зарегистрированной и общей безработицы превышало среднероссийские значения, кроме Республики Саха, Еврейской автономной и Амурской областей (см. таблицу). Считается, что чем больше доля зарегистрированной безработицы, тем меньше возможностей для альтернативной занятости. Поэтому роль теневого сектора на дальневосточном рынке труда была сравнительно невелика.

Во-вторых, показатель превышения доходов населения над расходами также находился выше среднероссийского уровня, хотя имелись и некоторые исключения. Поэтому если население и получало невидимые для статистики доходы, то в небольших масштабах. И, самое главное, лишь незначительная часть этих доходов оставалась в регионе.

В-третьих, сравнение натуральных и стоимостных показателей деятельности предприятий [5] говорит о том, что доля теневого сектора в промышленности в среднем по России составляла около 24 %. Максимальные цифры достигали 55–60 % и фиксировались в некоторых регионах Сибири и Северного Кавказа. На Дальнем Востоке доля теневого сектора была особенно высока в Еврейской автономной области, Амурской области и Хабаровском крае (см. таблицу). В Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях показатели несколько ниже, но там 27–63 % выпуска давала рыбная промышленность, в которой более половины производства могло находиться «в тени». Деятельность рыболовецких компаний не поддавалась нашим методам оценки теневого производства, так как промысловые суда не потребляли электроэнергию и воду, не производили фиксируемых выбросов вредных отходов и не имели прямого отношения к грузообороту автомобильного и железнодорожного транспорта. Учет браконьерской добычи и незаконного экспорта морских биоресурсов почти вдвое бы увеличил суммарные оценки теневого сектора в трех перечисленных субъектах Российской Федерации.

Таким образом, приведенные показатели говорят о том, что у жителей большинства краев и областей Дальнего Востока не было серьезных возможностей для альтернативной занятости и получения неофициальных доходов (по этим критериям региональный теневой сектор занимал в России средние позиции). А вот с тенью производством, вычисленным по разнице натуральных и стоимостных величин, складывалась более сложная ситуация. Если добавить к нашим цифрам неучтенную деятельность в рыбной промышленности, размеры дальневосточного теневого сектора могли оказаться одними из самых крупных в стране.

О способности региональных администраций обеспечить неприкосновенность личности и имущества граждан, а значит, и защиту прав собственности, исполнение контрактов и т. д., можно судить по уровню преступности. Как свидетельствует статистика, в 1990-х годах на Дальнем Востоке складывалась очень сложная криминальная обстановка. Количество преступлений в большинстве субъектов ДВФО превышало среднероссийское. Хабаровский край занимал по этому негативному показателю 3-е место, Еврейская автономная область – 4-е, Магаданская область – 6-е, Сахалинская область – 12-е место в стране. Убийства и покушения в Сахалинской области, Хабаровском крае и Республике Саха совершались в 1,5–1,7 раза чаще, чем в среднем по России. Преступность и экономическая деятельность, скорее всего, влияли друг на друга: с одной стороны, высокая преступность ухудшала предпринимательский климат, а с другой – обострение криминальной обстановки следовало за ростом деловой активности. Такую своеобразную цену приходилось платить за развитие бизнеса.

Обратимся к анализу предпринимательского климата. Хорошим его индикатором является деятельность малых предприятий (МП). Количество МП на душу населения, их удельный вес в занятости и доля в ВРП Дальнего Востока находились примерно на уровне среднероссийских значений. Однако в 1996–2000 гг. общее число российских МП увеличилось на 1,5 %, а на Дальнем Востоке сократилось на 12,8 %. Этот факт можно истолковывать по-разному. Хотя, наверное, никто не будет возражать, что МП создавались там, где для этого имелись благоприятные условия (стабильность, поддержка властей, безопасность, емкий рынок, возможность получения прибыли и т. д.). Напротив, проблемы МП указывали на недостатки предпринимательской среды, многие из них напрямую были связаны с состоянием институтов власти. Отметим, что ситуация серьезно различалась в отдельных регионах Дальнего Востока. Судя по использованному нами показателю доли занятости, в Республике Саха, Чукотском АО, Амурской области и Приморском крае складывались наиболее тяжелые условия деятельности МП. Напротив, Магаданская область и Хабаровский край представляли собой относительно «благополучные» регионы, а на остальных территориях ДВФО условия деятельности МП примерно соответствовали среднероссийским.

Интегральную характеристику предпринимательской среды дают показатели инвестиционного риска. С нашей точки зрения наиболее привлекательная методика его оценки предложена агентством «Эксперт-РА» [14]. Комбинация индексов инвестиционного риска и инвестиционного потенциала является показателем общего климата для капиталовложений в экономику региона. Рейтинги «Эксперта» говорят о сложности инвестирования в Дальневосточном регионе (см. таблицу, столбец 1). В 2001–2002 гг. Сахалинская область имела наименьший показатель инвестиционного риска в ДВФО, но среди 89 российских субъектов Федерации занимала лишь 55-е место. Республика Саха, Приморский и Хабаровский край отличались сравнительно крупным инвестиционным потенциалом (18-е, 20-е и 23-е места в России соответственно), однако высокий риск (74-е, 70-е и 56-е места) снижал их привлекательность. Даже беглый взгляд на расчеты «Эксперта» убеждает, что на Дальнем Востоке традиционно плохо обстояли дела с экономической, а особенно финансовой и социальной составляющими риска. Вдобавок к этому почти всегда были высоки криминальный и экологический риски. Законодательный и политический факторы подвергались сильным колебаниям. Мы не намерены обсуждать качество индексов «Эксперта». Отметим лишь: с нашей точки зрения указанные тенденции неплохо иллюстрируют, в каких областях дальневосточным администрациям приходилось сталкиваться с наибольшим количеством проблем.

И, наконец, несколько слов об удовлетворении основных социальных потребностей личности (см. таблицу, столбцы 8–10). Сравнительно низкая ожидаемая продолжительность жизни и высокая детская смертность говорили о недостатках в медицинском обслуживании, водоснабжении, состоянии жилья и питании дальневосточников. Невысок только уровень общей смертности, но это связано с возрастной структурой населения, в которой традиционно мала доля лиц старше 60 лет (около 14 против 20 % в среднем по стране).

Анализ институциональной среды показал, что во второй половине 1990-х годов на Дальнем Востоке была велика доля теневого сектора в производстве, высока преступность, неблагоприятны условия для деятельности малых предприятий, а инвестиционный риск превышал инвестиционный потенциал, и слабо удовлетворялись основные социальные потребности жителей. Приведенные данные свидетельствовали о слабости региональных административных, правовых, налоговых и других институтов и органов. В этом была и положительная сторона, поскольку государственные структуры, по крайней мере, не мешали развитию предпринимательства.

Однако отрицательные последствия намного перевешивали указанные выгоды: законодательная, правоохранительная, социальная и другие сферы серьезно отставали от развития экономической активности. По нашему мнению, сделанный вывод можно подтвердить конкретными примерами негативного влияния слабости институтов на региональное экономическое развитие.

Первый пример связан с нелегальными промыслом и экспортом морских биоресурсов.

В начале 1990-х годов в условиях острейшего инвестиционного кризиса в рыбную промышленность поступило несколько миллиардов долларов российских и зарубежных инвестиций. Общую сумму привлеченных инвестиций крайне трудно оценить. Например, только гарантии российского правительства на постройку супертраулеров в Европе составляли 1,5 млрд долл., лишь одна из судостроительных компаний г. Сиэтл (США) сообщила о переоборудовании не менее 20 российских судов на сумму 0,5–1,8 млн долл. каждый в течение 1990–1996 гг. [18, р. 152]. В результате на Дальнем Востоке появилось множество рыболовецких судов, построенных в Норвегии, Испании, Германии или переоборудованных в Китае, Корее и США. Дальневосточные компании завоевали большую долю на европейском рынке филе минтая, японском и американском рынках крабов. Однако мощность флота быстро превысила имеющиеся ресурсы, их запасы сократились, уловы стали нестабильными. Инвесторы начали покидать отрасль. За 10 с небольшим лет дальневосточная рыбная промышленность прошла цикл от полной перестройки, оживления и бума к новому кризису.

По мнению специалистов, главная причина связана с неопределенностью системы использования морских биоресурсов, неспособностью центральных и региональных властей обеспечить их защиту и эффективное управление [18, р. 162] в России в целом, и в особенности в ДВФО. Среди московских и дальневосточных бизнесменов, чиновников и членов мафии сформировались мощные группировки, ориентированные на реализацию личных интересов за счет страны и региона. Условия для легального и легко контролируемого бизнеса оказались очень неблагоприятными. Соответственно, на берегу резко сократились объемы рыбопереработки (выработка консервов, например, в 1990–1999 гг. упала в 12,5 раза). Дальневосточные компании перенесли обслуживание своих судов из российских портов в порты Кореи, Китая, Японии, США и Канады (наиболее крупная база возникла в корейском городе Пусан). Напротив, в море, т. е. вне досягаемости властей, стали быстро расти нелегальные промысел и экспорт. С начала 1990-х годов значительная часть торговли дальневосточными морепродуктами осуществлялась с нарушением российского и зарубежного законодательства и не учитывалась российской промышленной и таможенной статистикой [2]. Так, по российским данным, суммарный экспорт крабов и креветок в Японию в 1994–2002 гг. составил примерно 44 тыс. т на сумму 387 млн долл., а согласно японской таможенной статистике, из России в Японию данной продукции было импортировано 643,7 тыс. т на 52,5 млрд долл. [1]. Причина несовпадения цифр – несовершенство российских правил статистического учета и слабый контроль над деятельностью рыбодобывающих компаний, давшие возможность для браконьерства и незарегистрированного экспорта. По некоторым оценкам, одного камчатского краба в 1994–1999 гг. было добыто на 139 тыс. т, или на 58 %, больше разрешенных объемов. Выручка от нелегальных поставок краба только в Японию и США могла достигать 188 млн долл. в год [18, р. 155]. Причем, кроме двух названных основных направлений экспорта, морские биоресурсы поставлялись еще более чем в 40 стран. С данной выручки не уплачивались налоги, не производились инвестиции в рыбодобывающую и рыбоперерабатывающую отрасль, почти не велись доплаты экипажам судов.

При наличии политической воли и определенной решимости вполне возможно было установить контроль над основными экспортёрами морепродуктов, потоками валютных поступлений, статистической и налоговой отчетностью. Тем не менее первые реальные шаги по совершенствованию распределения промысловых квот, внедрению спутникового слежения за местоположением рыболовецких судов, усилению пограничного контроля и т. д. были сделаны только в 2000–2001 гг., через 10 лет после того, как проблема заявила о себе. Именно слабость федеральных и региональных институтов не позволила производительно использовать беспрецедентный для начала 1990-х годов приток российских и иностранных капиталовложений, а также предотвратить истощение ресурсов, потерю налоговых поступлений, развал промысловой и перерабатывающей базы, катастрофическое падение уровня жизни простых рыбаков на фоне обогащения отдельных чиновников и рыбопромышленников.

С позиций неинституциональной теории государство и регионы оказались неспособны сформулировать и реализовать права собственности на ценные морские биоресурсы. В течение 1990-х годов было предпринято множество мер, связанных с уточнением прав, но они лишь повысили транзакционные издержки рыбопромысловых компаний. Неудивительно, что многие из них предпочли «уйти в тень». Параллельно в среде дальневосточных рыбопромышленников сформировались «группы давления», способные извлекать личные материальные выгоды при негативном воздействии на благосостояние регионального сообщества в целом. Начиная с 2000 г. российское правительство начало аукционную продажу промысловых квот, т. е. сделало шаг к эффективной передаче рыбакам индивидуального права собственности на рыбу [16, с. 287]. Но «группы давления» практически блокировали это решение, создав серьезные препятствия развитию отрасли и региона. Свидетельства сокращения нелегальной добычи и экспорта морепродуктов появились лишь после 2002 г. Однако к этому времени как имиджу отрасли в глазах инвесторов, так и запасам биоресурсов был нанесен значительный, а может быть и непоправимый, ущерб.

Второй пример относится к международной миграции населения и «челночной» торговле между южными субъектами Дальнего Востока и Северо-Восточным Китаем (СВК). К 2001 г. товарооборот СВК, а также районов Синцзян и Внутренняя Монголия с Россией достиг 3,3 млрд долл. (примерно треть китайско-российской торговли), а оборот российских дальневосточных регионов с Китаем в целом – 1,8 млрд долл. Интересно, что накопленные прямые инвестиции из СВК в экономику Дальнего Востока не превышали 20 млн долл. Наряду с этим в одной только провинции Хэйлунцзян фактические прямые вложения российских предприятий составляли 84 млн долл. Наибольший эффект от развития торгово-экономических связей с Россией получили 2 китайских населенных пункта провинции Хэйлунцзян. Через г. Хэйхэ, расположенный неподалеку от Благовещенска, за 10 лет, с 1987 по 1997 г., прошло 2,3 млн т экспортно-импортных грузов, границу с Россией пересекли 3,4 млн чел., совокупный внешнеторговый оборот составил 2,1 млрд долл., из них 600 млн пришлось на челночную торговлю. Во многом благодаря этому валовой внутренний продукт Хэйхэ и прилегающего к нему административного района ежегодно увеличивался на 10,1 %, что существенно превышало средний показатель по провинции в целом (7,4 %). В другом китайском пограничном городе, Суйфэнхэ (неподалеку от пос. Пограничный Уссурийского района Приморского края), число постоянных жителей за истекшие 15 лет увеличилось с 12 до 400 тыс. чел. В 2001 г. город посетили 500 тыс. приезжих, ВВП на душу населения в 3 раза превысил средний уровень по провинции Хэйлунцзян, а ежегодный внешнеторговый оборот достиг 1,1 млрд долл. (73 % товарооборота провинции). Примеры Хэйхэ и Суйфэнхэ показали, что даже небольшие китайские поселки благодаря

экономическому обмену с Российской Федерацией за несколько лет были способны превратиться в современные города – центры международной торговли [15].

Какие же выгоды смог извлечь из бурного развития приграничных связей с Китаем российский Дальний Восток? Напомним, что китайский ширпотреб и продовольствие в начале 1990-х годов помогли преодолеть мучительный товарный голод, доставка и реализация товаров дали средства к существованию десяткам тысяч россиян, а китайские рабочие на Дальнем Востоке взялись за наиболее трудные, опасные и непривлекательные виды работ. Однако к середине 1990-х годов вслед за изменением ситуации в России поменялись ожидания и критерии оценки приграничного сотрудничества. На первый план вышли экономическая безопасность, макроэкономическая стабилизация и устойчивый рост. Такого рода эффекты, по крайней мере в использованной нами системе координат, обнаружить чрезвычайно сложно.

И все же сравнительная динамика денежных доходов и расходов населения содержит некоторую полезную информацию. В 1994–1999 гг. в большинстве дальневосточных регионов расходы увеличивались медленнее доходов. Исключение составляли Приморский край и Амурская область. В Приморье, например, в 1999 г. население потратило на 7 % больше, чем официально получило (см. таблицу). Темпы роста расходов в предыдущие 5 лет превышали увеличение доходов почти на 25 %. При этом объем производства составил около 80 %, а уровень реальных доходов, улавливаемых официальной статистикой, – 60 % уровня 1994 г. Такую динамику трудно объяснить иначе, как концентрацией расходов населения во Владивостоке, столице Приморья, и нескольких городах вблизи пунктов пересечения границы с Китаем. В 1994–1999 гг. Владивосток превратился в крупный региональный центр торговли продовольствием, одеждой, бытовой техникой и импортными автомобилями, что и стало причиной опережающего роста расходов по сравнению с доходами. Аналогичная тенденция, хотя и в значительно меньших масштабах, наблюдалась в Амурской области. Превышение темпов роста расходов над доходами было сравнительно небольшим (около 4 % за 5 лет), но вполне ощутимым, особенно с учетом того, что зарегистрированные реальные доходы в указанный период сократились на четверть, а промышленное производство – почти наполовину. Скорее всего, концентрация расходов в Амурской области связана с процветавшей в Благовещенске челночной торговлей китайскими потребительскими товарами, привлекавшей в город множество покупателей даже из отдаленных уголков Дальнего Востока и Сибири. Региональные статкомитеты в качестве причин превышения расходов над доходами называли уменьшение денежных остатков у населения и приобретение товаров приезжими. Разумеется, оба указанных процесса имели место. Однако, по-нашему мнению, превышение расходов свидетельствовало и о том, что часть доходов не регистрировалась или скрывалась (т. е. поступала из теневых источников), а затем использовалась для легальной оплаты товаров и услуг. Не будет преувеличением заявить, что в условиях слабых государственных, административных, социальных, правовых и других институтов положительный эффект оказался сосредоточен в теневом секторе, а другие области экономики не получили какой-либо заметной отдачи.

По-видимому, в данном случае мы столкнулись с растрачиванием некоторых видов ренты, например от монопольного права государства на осуществление таможенного контроля. Напомним, что в 1992–1993 гг. либерализация приграничной торговли и введение безвизового режима в отношениях с Китаем привели не только к росту товарооборота, но и к ряду хорошо известных негативных последствий. Уже в 1994 г. безвизовые поездки прекратились, а правила экономического обмена стали постоянно меняться с целью максимизации государственных доходов. На со-

ответствующее повышение транзакционных издержек местные торговые фирмы ответили точно так же, как и в рыбной промышленности, – расширением теневой деятельности и формированием «групп давления». Причем в структуре последних по сравнению с рыбной отраслью существовала важная и о многом говорящая особенность – ведущая роль китайских предпринимателей. В 1996–2001 гг. «группы давления» торпедировали практически все решения федеральных и региональных властей, направленные на изменение положения дел в приграничном бизнесе, а значит, в определенной степени – и на улучшение экономической ситуации в зависимых от торговли районах Дальнего Востока.

Итак, проведенное исследование подтвердило гипотезу о зависимости экономического развития и состояния институциональной среды. Как показала проверка этой гипотезы применительно к Дальнему Востоку, в 1990-е годы здесь возник настолько глубокий «институциональный вакуум», что это отрицательно сказалось на развитии всех секторов экономики. Из-за слабости институтов торговля морскими биоресурсами и челночный бизнес были перенесены в теневую сферу, но даже для теневиков дальневосточный предпринимательский климат оказался слишком суровым. Теневые доходы так же, как и обычные, покидали регион и направлялись либо на запад России, либо за рубеж. Следовательно, положительные результаты экономического развития и международного сотрудничества генерировались в одном месте, а использовались в другом. Исправить ситуацию может лишь создание условий для улучшения инвестиционного климата, образования и деятельности новых предприятий, а также для удовлетворения основных социальных потребностей населения (главные – охрана здоровья и обеспечение безопасности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Араи Н. Проблемы развития российско-японской торговли морепродуктами // Проблемы современной экономики. 2003. № 7–8. С. 133–134.
2. Белов А.В. Торговля Хоккайдо и российского Дальнего Востока по данным японской таможенной статистики // Вестн. ДВО РАН. 1997. № 5. С. 69–81.
3. Дальневосточный регион на рубеже третьего тысячелетия. Благовещенск, 2000. 312 с.
4. Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск, 1998. 140 с.
5. Мартынов А., Артюхов В., Виноградов В. Россия как система // Practical Science.– <http://www.sci.aha.ru/nav.htm>.
6. Методологические положения по статистике. Вып. 2. М., 1998. 246 с.
7. Олейник А. Институциональная экономика: Учебно-методическое пособие // Вопр. экономики. 1999. № 7. С. 129–155.
8. Основные показатели экономического положения регионов Дальневосточного федерального округа. Благовещенск, 2001. 233 с.
9. Попов В.В. Динамика производства при переходе к рынку: влияние объективных условий и экономической политики // Вопр. экономики. 1998. № 7. С. 42–64.
10. Попов В.В. Почему падение производства в регионах России было неодинаковым // Мировая экономика и междунар. отношения. 2000. № 9. С. 62–71.
11. Попов В.В. Сильные институты важнее скорости реформ // Вопр. экономики. 1998. № 8. С. 56–70.
12. Регионы России: Статистический сборник. М.: Госкомстат, 2000. Т. 2. 880 с.
13. Регионы России: Статистический сборник. М.: Госкомстат, 2001. Т. 2. 828 с.
14. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России.– <http://www.expert.ru/expert/ratings/regions/>.
15. Рин К. Торговое сотрудничество китайской провинции Хэйлунцзян с Российской Федерацией // Международная миграция в Северо-Восточной Азии. Осака (Япония), 2003. С. 2–14.
16. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001. 408 с.
17. Экономика Дальнего Востока: пять лет реформ / Ред. П.А.Минакир. Хабаровск, 1998. 264 с.
18. Allison T. The crisis of the region's fishing industry: Sources, prospects and the role of foreign interests // Russia's Far East: a Region at Risk. Seattle: Univ. Washington Press, 2003. P. 139–164.